

КАК КАРАВАН С ДАРАМИ

Подготовка к 250-летию со дня рождения Махтумкули вызвала к жизни новые творческие силы. Классики туркменской литературы посвящаются поэмы и повести, песни и кинофильмы. Известный писатель Клыч КУЛИЕВ завершил роман, который стал первой книгой диологии «Махтумкули». Редакция попросила автора рассказать, почему он принялся за эту тему — ведь о жизни великого поэта нет достоверных сведений, разве что легенды, предания да стихи самого Махтумкули, как писатель работал над его образом?

— Четверть века назад большой друг туркменского народа, особенно наших литераторов, Николай Семенович Тихонов, говоря о Махтумкули, который « всю жизнь бродил по угнетенной, задавленной гнетом и жестокостью земле », но все же « не дал мраку заполнить его стихи », сохранил беспредельную любовь к людям, к жизни и природе, сравнивал душу поэта с богатым караваном, несущим дары далекой страны, — начал рассказ Клыч Мамедович. — И, думаю, каждому литератору очень хочется ознакомиться с « дарами » этого « каравана », постараться разгадать феномен гениального Махтумкули, чьи стихи вот уже два века бережно сохраняют поколения людей, передавая их из уст в уста. И мне было очень интересно это.

К тому же был еще случай, который усилил мое влечение к образу любимого поэта. Много лет я находился на дипломатической службе. В годы прошлой войны работал вице-консулом СССР в Иранской провинции Горган. Туркмены, проживающие там, занимают обширную территорию от Каспия до провинции Хорасан.

Именно в этих местах, в Туркменской степи, находилась дорога для нас могилы Махтумкули-Фраги и его отца — тогда известного поэта Довлетмамед Азади. Мне очень хотелось побывать там, постараться разыскать потомков, родственников поэтов.

С таким же нетерпением и желанием стремились почтить память Азади и Фраги нынешний народный артист СССР Мухаммед Черкезов и еще один наш земляк, которые в то время служили в армии, в части, расположенной в Иране. И как только появилась возможность, мы выехали из Горгана — это было рано утром, затемно, и лишь к вечеру приехали в местечко Антокой. В этом селении нас никто, разумеется, не ждал. И пришлось самим знакомиться с людьми, объяснять цель приезда, искать потомков Махтумкули.

Самым близким к семье поэтов оказался молодой мужчина Ата-ишан. Он со вниманием выслушал нас и тут же повел на кладбище, которое было неподалеку от селения. И до, и после этого не раз доводилось мне бывать у могил великих поэтов раз-

ных народов. Но, кажется, никогда не испытывал я такого волнения, даже трепета, как в те минуты, что стояли мы у этих холмов, окруженных глубоким рвом. Там лежал огромный старейший казан — говорят, едва не со времен поминального обеда в сороковины после смерти Азади сохранился он, то есть более двух веков прошло с тех пор. Не знаю, верно ли это, но запомнилось, как и каждая деталь вообще.

А потом мы беседовали со всеми потомками, родственниками великого поэта. Правда, поначалу разговор никак не ладился.

— Что же мешало найти общий язык?

— Да, видите ли, много лет какие-то злые люди — думаю, байские прихвостни, обжавшие некогда из нашей страны, — распускали лживые слухи, будто бы Махтумкули в Советском Союзе запрещен, а кто читает его стихи, преследуется. Эти слухи создали определенное неприязненное отношение к нам.

— Но ведь это — наглая ложь, которую, видимо, не так трудно разоблачать. Именно в советское время по-настоящему начали собирать произведения Махтумкули, издавать их, изучать его жизнь, все, что связано с его именем. Так же, как и творчество других его последователей, туркменских классиков Кемине, Зелили, Сейнди... Имя Махтумкули носят колхозы, улицы городов и поселков, театр оперы и балета, Институт языка и литературы — к слову, в этом институте создан сектор Махтумкули. Его стихи множество раз выходили на туркменском, русском, украинском, грузинском и многих других языках. В годы войны, правда, еще не все из сказанного было сделано, но сделано было немало.

— Верно. И все же разубедить людей было не так-то просто. Ложь они слышали годами — одной беседой ее не перечеркнешь. На счастье, мы захватили с собой сборники стихов Махтумкули на туркменском и русском языках, журнальные публикации на других братских языках народов СССР. Это помогло растопить лед. Мы смогли доказать, что все эти слухи — вранье. И люди удивились, обрадовались, разговор получился живым.

Людская память хранит множество интересных легенд, преданий о Махтумкули, Азади. Мы услышали много подтверждений тому, что это были люди высокой культуры, эрудиты, которых глубоко уважали. Они много трудились — обрабатывали землю и шили упряжь. Махтумкули освоил мастерство чеканщика по серебру. Ведь в те времена литературный труд не оплачивался, если поэт не состоял на службе при дворе. А мы знаем, что Махтумкули отверг предложение быть придворным поэтом, « соловьем в золотой клетке ». Он был гордым и превыше иных благ ценил свободу.

— Клыч Мамедович, известно, как всем исследователям хотелось бы иметь хоть какие-то записи поэта. И недавно в « Туркменской искре » член-корреспондент АН ТССР Э. Б. Мухаммедова рассказала об уникальной рукописи, которую вы привезли из Ирана.

— Очень хотелось увидеть что-то, написанное рукой Махтумкули, до сих пор никто не видел его рукописей. Я и спросил его потомков, нет ли какой рукописи. Поначалу ничего не ответили. Разговор продолжился, прошло немало времени, прежде чем Ата-ишан сказал, что есть рукописная книга, которую потомки берегут как зеницу ока. А со временем он и принес эту довольно большую книгу, на которой рукой Довлетмамед Азади было написано, когда она им начата и когда окончена.

По сегодняшним понятиям книгу эту можно назвать хрестоматией. Отец Махтумкули переписывал по-арабски, персидски и тюркски фрагменты из сочинений великих мыслителей и поэтов Востока. А затем комментировал их. Между строк отца свои комментарии вписал сам Махтумкули. Трудно пока оценить значение этой рукописи для науки — она ждет своей очереди исследования. Но одно точно: она свидетельствует об обширных познаниях Азади и Фраги, об их остром аналитическом уме.

Можете представить, с каким трепетом мы прикоснулись к этой книге, какую безмерную радость испытали, когда потомки поэтов решили передать ее в дар ученым Советского Туркменистана и попросили меня отвезти рукопись. Сейчас она в рукописном фонде Института языка и литературы им. Махтумкули АН ТССР.

— И после этих встреч, бесед с потомками поэта вы решили написать о нем?

— Мысль об этом зародилась еще в Туркменской сте-

пи, но долго она оставалась лишь желанием. Приехав после службы в Иране домой, в Ашхабад, я рассказал об увиденном и услышанном своим друзьям-писателям. Они предложили все это записать. Писал, переделывал. И получилась первая моя художественная книга « По ту сторону Копетдага ». Разговор в ней идет о национально-освободительной борьбе туркмен Северного Ирана в годы второй мировой войны, рассказывается и о потомках Махтумкули.

Немало времени спустя, изучив основательно творчество Фраги, исследования ученых, легенды и предания, сохранившиеся в народе, сопоставив это с тем, что услышал в Актокое, я решил написать свой первый роман « Суровые дни ». Он — о борьбе туркменских племен за сплоченность, независимость. Махтумкули — уже немолодой, много переживший, в чем-то разочаровавшийся свой народ, борющийся за его счастье — в центре событий романа.

Работая над ним, я думал, что он станет первой книгой диологии о нашем великом земляке. А вторую книгу напишу вскоре. Внимательно изучал творчество учителей Махтумкули — Навои, Низами, Рудаки, Фирдоуси, с которыми он сравнивался. Это во многом помогало войти в тот мир, в то время, когда они жили, ощутить его дыхание.

— Но между двумя книгами диологии прожиты годы...

— Да, случилось так, что я увлеклся другими сюжетами, темами. Попалось в Афганистане донесение английского материго разведчика. Заинтересовался этим, стал изучать материал — родился роман « Черный караван ». Работая в Тунисе, стал свидетелем национально-освободительной борьбы в соседнем Алжире, познакомился с некоторыми ее героями, — написал « Непокорный алжирец ». Услышал от афганского дипломата о поездке к Ленину, стал исследовать этот материал — пришел к трилогии « Посол эмира »...

— Но хотелось все же вернуться к Махтумкули?

— Не просто хотелось. Чувствовал настоятельную необходимость исследовать молодые годы жизни поэта, пору его становления как личности, время любви и надежд, разочарований и новых надежд, раздумий о смысле бытия, об окружающем мире, поисков истины... Да и читатели, знакомые с Махтумкули взрослым, просили в письмах рассказать о юном Фраги.

И несколько лет назад я вновь сел за роман. А готовился к этому значительно дольше. Снова и снова перечитывал стихи самого поэта, других великих мыслителей Востока, вчитывался в страницы научных трудов о Махтумкули, выискивал легенды, предания.

Очень непросто складывалась жизнь Махтумкули. Очень любил он красавицу Менгли — до сих пор стихи о ней мы знаем наизусть, ценим как символ верности, преданности. Но разлучили влюбленных, продали девушку более состоятельному человеку. « В глухие наши времена любовь на казнь обречена », — с болью писал поэт. Познал он и голод, и гибель близких, родных, потерял детей. И большинство бед стряслось именно в юности. Очевидно, и псевдоним — Фраги — он избрал неспроста. Фраги означает « разлученный ». Разлученный с любимой, со счастьем.

Особенно угнетало его то, что порядки, отношения в обществе, в котором выпало жить, не соответствовали его идеалам. Он резко осуждал тех, кто наживался на народном горе: « Ворует вор, богач берет. И наг и нищ простой народ; с живого шкуру бай дерет, и сладу нет с рстовицками... Народ мучили муллы и пиры с их учениками ». Легко ранимое сердце поэта обливало кровью при виде мучений земляков. « Царством непроглядной мглы » называл он свой край.

Поэт не просто показывал бедствия народа, но и призывал к объединению всех племен, к отпору врагам: « Вставайте, братья, нам нельзя смириться! », « Туркмены, если бы мы дружно жить могли, мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли. Тесе, номуд, геклен, язар и алили — все пять должны мы стать единою семьею! »

И мне хотелось в новом романе показать молодого поэта именно человеком, который, по выражению Н. Тихонова, « не дал мраку заполнить его стихи », сохранил любовь к людям, был счастливым и страдал, стогал от страсти и ненавидел. Как это мне удалось — судить читателям и критикам.

— По роману снимается фильм?

— Да, он заинтересовал кинематографистов. Ходжакули Нарлиев, Морис Симашко и Булат Мансуров написали сценарий четырехсерийного фильма. Сейчас идут съемки первых двух — как раз о юных годах Махтумкули.

Когда-то Махтумкули мечтал о времени, в котором единой семьей заживут племена, туркменский народ воспрянет, исполненный сил. Сегодня эта его мечта стала явью.

Беседу вел И. ПАСЕВЬЕВ.